

УДК 82.01/.09
DOI 10.17223/18137083/71/5

А. Б. Стрельникова¹, А. В. Сысоева²

¹ *Томский государственный университет*

² *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург*

**Дифференциальная форма рецепции
новеллы Т. Готье «Le Chevalier double»
в произведении Ф. Сологуба «Милый паж»**

В статье идет речь о работе Ф. Сологуба над переводом новеллы Т. Готье, опубликованном в двух вариантах под названиями «Двойственный рыцарь» (1899) и «Двойная звезда» (1906). Подбор синонимов, последовательное избавление от грамматических признаков французского языка и поэтизация речи свидетельствуют о тщательной работе переводчика. Рассмотрение перевода в контексте оригинальных произведений Сологуба позволило выделить в ряду созвучных Готье текстов новеллу «Милый паж», система персонажей, форма и содержание которой говорят о том, что произведение было создано как полемически заостренный ответ предшественнику. Несомненная опора на претекст, использование его как основы для развития привычных мотивов, сочетается с последовательным развенчанием дидактического пафоса новеллы Готье.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, Т. Готье, художественный перевод, дифференциальная форма рецепции, претекст.

Новелла Теофиля Готье «Двойственный рыцарь» в переводе Федора Сологуба была опубликована в составе октябрьского выпуска «Домашней библиотеки» 1899 г. [Готье, 1899]. Это был один из первых прозаических переводов русского символиста. Ранее, в 1889 г. Сологуб работал со стихотворениями в прозе Ш. Бодлера – новым для него жанром [Стрельникова, 2014], к которому русский автор не единожды обращался в последующие годы. До тех пор он переводил только стихотворные тексты, также преимущественно с французского – П. Верлена, С. Малларме, Р. Ванси, А. Жилля, Ш. Кро и др. В определенном смысле новелла Готье стала для Сологуба «вехой» в переводном творчестве, поскольку

Стрельникова Анна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; annas24@yandex.ru)

Сысоева Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия; sysoevaav@gmail.com)

в 1900-е гг. началась его активная работа с прозаическим текстом: в 1905 г. вышла в свет в его переводе одна из «Маленьких поэм в прозе» «Каждому своя Химера» Ш. Бодлера, в 1907 г. – новеллы «Четыре беса» и «Ее Высочество» Г. Банга, в 1909 г. – «Кандид, или Оптимизм» Ф.-М. А. Вольтера. Отметим здесь, что именно прозаические переводы впоследствии приобрели статус канонических и републикуются до сих пор: к числу переводческих удач Сологуба относятся уже упомянутая выше повесть Вольтера «Кандид», романы «Дважды любимая» А. де Ренья и «Сильна как смерть» Г. де Мопассана, «Стихотворения в прозе» О. Уайльда.

Примечательна работа с новеллой Готье еще и тем, что представляет собой редкий (если не уникальный) для этого периода случай повторного обращения к уже переведенному и опубликованному тексту: в конце 1906 г. в рождественском приложении к газете «Речь» вновь была опубликована новелла Готье, на этот раз под названием «Двойная звезда» [Готье, 1906]. Повторные обращения к оригиналу множественны при работе со стихотворениями Верлена, но в этом случае Сологуб реализовывал сознательную установку на вариативность, публикуя варианты переводов одновременно, в пределах одной книги, в количестве двух или трех. Варианты одного текста, содержащие иногда противоположные по смыслу лексические единицы, встречаются и в собственном поэтическом творчестве, отражая установку на антиномичность как онтологическую характеристику. Однако в случае с Готье Сологуб не стремился продемонстрировать наличие двух равнозначных вариантов. В более поздний период, в 1920-е гг. Сологуб вновь вернулся к практике повторного обращения к ранее созданным переводам, что было обусловлено общей культурно-исторической ситуацией, попыткой уйти в «переводческую нишу», адаптировать перевод для «нового» читателя и иногда, вероятно, намерением представить текст как новый для последующего издания и получения причитающегося гонорара.

Сохранившиеся в архиве писателя материалы перевода новеллы Готье представляют собой рукопись с правкой, чистовую рукопись с внесенной правкой предыдущего этапа и вырезку из газеты «Речь» с опубликованным переводом. Рукопись с правкой использовалась при работе с обеими публикациями. Первый слой правки вносился чернилами, он учтен в первой публикации. Сологуб последовательно снимал грамматические признаки языка оригинала: убирал излишние для русского языка местоимения, личные и притяжательные, перефразировал непривычные конструкции (например, «в углу окна» было изменено на «в уголке под окном»¹). Перестановки слов в предложении были частой правкой. Иногда они должны были изменить характерную для грамматики французского языка последовательность сказуемого за подлежащим (например, «чужеземец пришел в замок» было изменено на «в замок пришел чужестранец»²), чаще же были призваны добавить размерности речи и погрузить в атмосферу легенды (в следующем примере с помощью разведения субъекта и предиката: «два пса, Мург и Фанрис, выдыхают, с каждой стороны своего господина, своими красными ноздрями, длинные столбы пара, словно сказочные животные» было исправлено на «два пса, с каждой стороны своего господина, словно сказочные животные, выдыхают своими красными ноздрями, длинные столбы пара»³). Этой же цели служила замена слов на синонимичные: «светлокудрая» вместо «белокурая», «пришлец» вместо «он», «возрадовалась» вместо «радуется»⁴. Публикация незначительно

¹ Сологуб Ф. Перевод новеллы Готье «Двойственный рыцарь» // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 181. Л. 4.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 1, 2, 11.

отличается от рукописи с учетом правки чернилами. Видимо, небольшие исправления вносились позже, при подготовке текста к печати. Они немногочисленны и связаны были с дальнейшим подбором слов и их форм, перестановкой слов в предложении. Например, в первом предложении рассказа в рукописи, как и в газетной публикации, был использован глагол «печалит»⁵ [Готье, 1906, с. 4], в первой публикации – его форма «опечалило» [Готье, 1899, с. 149]. В двух случаях правка была учтена и в позднем варианте перевода: ошибочное с грамматической точки зрения употребление невозвратной формы глагола «подвиньте назад» исправлено на «подвиньтесь назад»⁶ [Готье, 1899, с. 156; 1906, с. 4]; также в обеих публикациях было использовано прилагательное «длинная» применительно к бороде (в рукописи была употреблена менее удачная характеристика «большая») [Готье, 1899, с. 151; 1906, с. 4]. Учтенная в обеих публикациях правка была внесена в рукопись карандашом. То, что оба случая связаны с неудачным словоупотреблением, близким к ошибочному, дает основания для предположения, что в этих моментах совпала правка этапа подготовки первой и второй публикаций. Сверка остальной карандашной правки рукописи с печатными источниками позволяет отнести ее к периоду работы над текстом газетной публикации. Когда Сологуб вернулся к работе над переводом – к подготовке его к изданию в газете «Речь», он продолжил избавляться от излишних для русской грамматики притяжательных и личных местоимений, а также исправлять грамматические конструкции, уместные в оригинальном тексте, но не в переводном (например, «Едвиг боялась своим материнским сердцем» было исправлено на «Едвиг, бедная мать, боялась»⁷). Писатель продолжил работать над стилизацией под старинную легенду. Редактируя перевод для газеты «Речь», он добивался этой цели с помощью необычной последовательности слов (сочетание «твой благородный супруг» было преобразовано в «благородный супруг твой»⁸) и синонимичных замен («лик неба» вместо «лицо неба»⁹). Правка перенесена в хранящуюся в архиве чистовую рукопись, видимо, служившую наборной, почти точно. Текст вычитывался на каждом этапе, правка вносилась и после работы с наборной рукописью, вероятно, в корректуре (корректурa не сохранилась). Было всего 3 случая позднейшей правки в корректуре, она не влияла принципиально на смысл, так что рассмотрим только один отрывок, формулировка которого менялась Сологубом несколько раз: «ногтями царапает у своей няньки лицо» было исправлено чернилами на «ногтями царапает няньке лицо»¹⁰, так же опубликовано в первом варианте перевода, затем добавлена правка карандашом – перестановка слов: «ногтями царапает лицо у няньки», в чистовой рукописи перестановка не была учтена, но отмечена ее необходимость вслед за черновым вариантом, затем перестановка зачеркнута, так что, если бы текст печатался точно по чистовой рукописи, без внесения изменений, было бы «ногтями царапает няньке лицо»¹¹, в итоге же из-за наличия дополнительного, не отложившегося в архивных материалах этапа правки, опубликованный текст оказался максимально приближен к черновой рукописи с учетом правки карандашом: «когтями царапает лицо у няньки» [Готье, 1906, с. 4]. Вполне вероятно, что замена «ногтями» на «когтями» не была авторской, и объясняется ошибкой набора. В остальном текст был переписан с черновой рукописи почти без изменений (добавились лишь восклицательные знаки в речи

⁵ Сологуб Ф. Перевод новеллы Готье «Двойственный рыцарь» // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 181. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 1 об.

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 4 об.

¹¹ Там же. Л. 20.

героев), а затем так же точно, не считая опечатки и снятия части восклицательных и вопросительных знаков в репликах, набран для публикации. В переводе использованы те же имена, что и в первоисточнике, кроме имени коня: Сологуб снял «с» в имени Мопс во втором варианте перевода (в первом конь остался, как и у Готье, Мопсом).

Основная смысловая правка была внесена в заглавие. Сначала вслед за источником новелла была названа «Двойственный рыцарь» (у Готье «Le Chevalier double»), но впоследствии заглавие было исправлено на «Двойная звезда». Следует отметить, что заглавие было исправлено чернилами, но правка эта не была учтена при первой публикации. Поскольку заглавие является ключевой позицией текста, его правка могла быть внесена иначе, чем остальные изменения того же этапа. Наличие повтора заглавия и имени автора карандашом на втором листе рукописи тоже свидетельствует о том, что вмешательство в текст произошло после первой публикации. Именно с таким названием произведение было опубликовано в газете «Речь». Так внимание с главного героя было перенесено на его судьбу и мистические силы, ей управлявшие. Подготовка перевода для рождественского выпуска газеты добавляла актуальности подчеркиванию сказочности сюжета. Не стоит забывать и о том, что смена заглавия явилась наглядной демонстрацией переработки прежнего текста и даже могла сделать факт повторной публикации перевода менее явным. Это важно с учетом получения гонорара за публикацию в газете «Речь» и в связи со сменой издательства. Косвенным подтверждением того, что факт первой публикации писателем не афишировался, служит «Библиография сочинений Федора Сологуба», изданная при его жизни, куда вошла только публикация перевода в газете «Речь» [Библиография..., 1909, с. 31].

Обе публикации соответствовали запросам изданий: журнал «Домашняя библиотека» представлял собой подборку переводной (в основном) художественной литературы разных жанров, и ему подошел бы перевод любого произведения; праздничному Рождественскому выпуску газеты «Речь» соответствовало сказочное содержание, четко прописанная мораль, счастливый финал с перерождением главного героя и его победой над злым началом в своей душе и судьбе.

Работа Сологуба-переводчика оказалась востребованной в наши дни: в публикации новелл Готье 1991 г. использован ранний перевод Сологуба для «Домашней библиотеки», небольшие разночтения текстов объяснимы ошибками набора [Готье, 1991]. К сожалению, выбор первого варианта перевода для публикации никак не пояснен. Более того, в комментариях указан второй вариант, вышедший в газете «Речь», и он ошибочно назван первым опубликованным русским переводом. Видимо, составитель и автор комментариев работали несогласованно [Там же, с. 513].

Наиболее вероятный источник перевода – одно из переизданий книги Т. Готье «Romans et Contes» (представляла собой 24-й том полного собрания сочинений писателя). В описаниях библиотеки Сологуба не сохранились указания на книги Готье, содержащие переведенное им произведение.

Характеризуя перевод новеллы Готье в аспекте прагматики, с уверенностью можно говорить о том, что Сологуб-переводчик придерживается буквы оригинала, не позволяя себе вольностей, намеренных изменений и создавая в целом адекватный источнику русскоязычный текст. Справедливости ради следует отметить в тексте и отдельные ошибки (или, скорее, небрежности) переводчика: «brun» передается как «черноокий» вместо «смуглолицый»; «physionomie <...> d'une expression *embarrassante*» – как «в его лице <...> тревожное выражение» (вместо «выражение его лица приводит в смущение»); «*désastreuse*» – как «зловещая» вместо «губительная / пагубная» [Gautier, 1897, p. 421, 423; Сологуб, 1906]. Кроме того, «sourire de vipère» переводится как «улыбка ехидны» (вместо «улыбка гадю-

ки / змеи», что вписывается в контекст неоднократных сравнений чужестранца со змеей («il charmait à la façon du serpent»); возможно, Сологуб пытался дать образ Ехидны, мифологической женщины-змеи, и это был, скорее, неудачный ход, тем более что прописная буква имени в переводе утрачена [Gautier, 1897, p. 422, 419; Сологуб, 1906]. Фраза «le panache du chevalier» воспроизводится в русскоязычном тексте как «перья рыцарской шляпы» (вместо «рыцарский плюмаж»), и даже уточняющее «sur son casque une plume rouge» – как «перо на его шляпе было красное» (вместо «перо на его *шлеме* было красное») [Gautier, 1897, p. 425, 429; Сологуб, 1906]. Ироничная в контексте сюжета новеллы двусмысленность возникает оттого, что Олуф при встрече с рыцарем красной звезды требует уступить ему дорогу и клянется «бородой отца» [Сологуб, 1906] вместо оригинального «la moustache de mon père» [Gautier, 1897, p. 429] («усы моего отца», о которых неоднократно до этого упоминалось как в оригинальном, так и в переводном тексте). Однако все выявленные в тексте перевода недочеты компенсируются описанными выше стилистическими достоинствами произведения, иначе говоря, «виртуозностью Сологуба-стилиста» (по меткому выражению П. Р. Заборова [2011, с. 88], данному исследователем в связи с оценкой перевода повести «Кандид»), что и обеспечило дальнейшую счастливую эдичионную судьбу переводной новеллы.

Оригинальное и переводное творчество Сологуба можно рассматривать как единый комплекс текстов, потому важно обратить внимание на оригинальные произведения, работа над которыми предшествовала переводу или последовала вскоре после, это позволит понять, какие темы были наиболее интересны писателю и разрабатывались им и каким образом перевод встроился в собственное творчество.

Произведения периода публикации в «Домашней библиотеке» не дают богатой почвы для сопоставления. Близка рассказу Готье идея Сологуба о воплощении всего мира, в том числе противоположных начал, в одном человеке, которая появляется в указанный период, в частности, в стихотворении 1900 г. «От меня ты далеко» [Федор Сологуб, 2014, с. 34]. Эта идея разрабатывалась писателем на протяжении многих лет.

Отметим, что писатель публиковал свои оригинальные тексты, как и второй вариант перевода новеллы Готье, в праздничных подборках, но оригинальное творчество отличалось от переводного: его праздничные календарные тексты редко имели счастливый финал, обычно отличались острым социальным звучанием. Рассмотрим рассказы, выпущенные в близком ко второй публикации временном промежутке. За год до издания в газете «Речь» вышел рассказ Сологуба «Рождественский мальчик»: в произведении описаны тяжелые условия жизни ребенка; погибший в финале рассказа мальчик призывал главного героя вместе умереть. В том же номере газеты «Речь», что и переводной текст, был опубликован рассказ Сологуба «Страна, где воцарился зверь». И он отсылает к произведению Готье, особенно к описанию двух одинаковых рыцарей, отличающихся только цветом пера. В нем действуют два главных героя, похожих внешне, отличающихся только цветом лица и волос, но обладающих разными душевными качествами. В этой истории побеждает злое начало, жестокий герой в финале переродился в зверя и начал поедать своих подданных. Сюжет с правящим зверем, поедающим поклоняющихся ему, уже появлялся в опубликованном ранее в феврале 1906 г. рассказе «Дикий бог». В следующем году приуроченных к Рождеству рассказов не вышло, а в 1908 г. 25 декабря были изданы сразу два, «Снегурочка» о раставшей снежной девочке и «Холодный сочельник» о сотруднице редакции, жизнь которой сложно назвать счастливой. Так что переведенная новелла, приуроченная Сологубом к Рождеству, содержательно заметно отличалась от его оригинальных праздничных текстов.

Для творчества символиста в целом не характерно традиционное морализаторство. Относительность добра и зла отмечалась во многих работах писателя. Вскоре после газетной публикации рассказа Готье появилась статья Сологуба «Человек человеку – дьявол» в январском номере журнала «Золотое руно», в которой речь шла о том, что «Бог и Дьявол – одно и то же» [Сологуб, 1907, с. 53] и что сила, традиционно считающаяся злой, несет познание и свободу, а сила, считающаяся доброй, карает. Завершалась статья тем, что истинное зло состоит в разъединении людей, последние абзацы ее отсылают к мистерии Сологуба «Литургия Мне», вышедшей отдельным изданием в 1907 г. В образе главного героя новеллы Готье также соединены в единое целое два человека и две судьбы, добрая и злая. Но в произведении французского автора они предстают традиционно противостоящими друг другу, их объединение противоестественно и приводит к бедам, что разительно отличается от взглядов Сологуба, отмечавшего естественность такого единства. В любом случае проблемы добра и зла и их соотношения обдумывались писателем.

В произведениях Сологуба часто появлялись пары главным героям, которые оттеняли черты основного персонажа. В апреле 1906 г. был опубликован рассказ, в названии которого, как и в названии переводного текста, подчеркнута двойственность, «Два Готика». В нем описана двойная пара: главный герой Готик и его брат Лютик; Готик дневной и Готик ночной, живущий волшебной тайной жизнью. В этом случае можно говорить лишь о совпадении мотивов переводного и оригинального творчества, поскольку тема двойников является широко распространенной в мировой литературе.

А вот новелла Сологуба «Милый паж» имеет несомненные переклички с текстом Готье. Ввиду эротического сюжета запрещенная к печати как произведение «безусловно нетерпимое в цензурном отношении» и, таким образом, не вышедшая в сборнике «Жало смерти» 1904 г. (цит. по: [Павлова, 2007, с. 184]), новелла была издана в августовском номере журнала «Весь» в 1906 г., т. е. публикация собственной новеллы Сологуба предшествовала более поздней версии перевода и свидетельствует о том, что текст Готье стал вновь актуальным для творчества русского автора. Четко прописанная традиционная мораль, образ невинной страдающей графини, темная сторона души главного героя, появившаяся только от взгляда певца из Богемии, несколько брошенных вскользь намеков, что дело было, возможно, не только в невинном взгляде (побледневший от предсмертной исповеди графини патер, подозрения графа в связи с темными, как у певца, глазами ребенка) могли подтолкнуть писателя к изложению своей версии предшествовавших рождению ребенка событий. Параллели с текстом Готье выстраиваются в первую очередь через систему персонажей: старый седой граф, его жена Эдвиг (в новелле Сологуба), или Едвиг (в переводе из Готье), и третий мужчина, темноволосый, черноглазый, поющий песни – таинственный пришелец в тексте Готье, или паж у Сологуба. Собственно, судьба последнего выведена на первый план, что отразилось в заглавии. Образ паж, составляющего любовный треугольник с господином и госпожой, – вообще один из устойчивых художественных элементов в творчестве Сологуба, достаточно привести здесь названия таких произведений рассматриваемого периода, как стихотворение «Обзаводились пажами» (1900), пьеса «Ванька-Ключник и Паж Жеан» (1908), не говоря уже о самих художественных образах, возникавших в оригинальном творчестве и даже привносимых в отдельные переводы.

Действие в обоих текстах происходит на Севере. Новелла Сологуба, в отличие от произведения Готье, реалистична: даже волшебство чародея объясняется скорее талантом ведения переговоров. Появившийся у графини ребенок не описан, но мы можем предположить, что некоторые черты его внешности выдают сходство с пажом. Этому также дано реалистичное объяснение. Эдвиг при первом ее

упоминании Сологубом похожа на героиню Готье – она названа нежной и скромной, но весь последующий текст опровергает эту характеристику. Эдвига начала настойчиво требовать ласк юного пажа Адельстана, перемежая уговоры избиениями и нанесением ран, завершила же отношения с совращенным ей пажом, собственноручно его заколов. В этом контексте нежность и скромность графини, упомянутые в начале произведения, кажутся авторской насмешкой. Подобным образом писатель использовал имена персонажей и основные события их жизни из произведений предшественников, превращая благопристойных героев в далеких от норм морали, и когда не работал над переводом текста-источника (о трансформации образа Танкреда Тарентского из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» см. [Сысоева, 2010, с. 104–106]).

Новелла Сологуба с точки зрения повествовательного дискурса – явная стилизация: с одной стороны, очевидна установка на имитацию романтической новеллы (стиль повествования, нравственная проблематика, внутренний конфликт героя), однако ироничный тон повествователя и сам способ разрешения конфликта подчеркивает искусственность и условность изображаемого. В частности, при сопоставлении романтической новеллы Готье с художественным текстом Сологуба становятся очевидны трансформации, происходящие в аспекте религиозной тематики. В романтической новелле повествователь апеллирует к Иисусу Христу, Пресвятой Деве Марии, упоминает сюжет битвы Иакова с ангелом, фиксирует знаки «небесного прощения»; в текст вводится мотив присутствия священнослужителя в ключевые моменты жизни героев – эпизоды крещения ребенка, последнего часа Эдвиги. В новелле «Милый паж» религиозный контекст последовательно травестируется. Уже в первой главе при описании графского замка вводится образ «трех жирных капелланов», которые «прилежно отмаливали каждое утро графские грехи»; и далее идея о взаимовыгодном сотрудничестве с церковью развивается в связи с образами чародея, на которого «злобились <...> попы, и грозились сжечь», и его дочери, жившей «в мире с церковью, которой приносила ежегодно немалые дары» (к слову, на деньги, которые «усердно» собирал и передавал ей отец-чародей) [Сологуб, 1906, с. 18, 24, 25]. Образ рая ассоциируется у «нежной» графини с улыбкой Адельстана: «и в улыбке прекрасного паж открывалось ей обещание радостного рая»; искупление греха становится атрибутом бытовой повседневности – «грех мы успеем замолить», «да разве за нас некому помолиться?», и к Пресвятой Деве Марии Эдвига обращается с жалобой на пажу, который «не смеет войти в радость госпожи своей» [Сологуб, 1906, с. 20, 22, 24].

Сопоставление новеллы Сологуба с вероятным претекстом заставляет воспринимать произведение скорее как фарс: постыдность и циничность действий в новелле рассчитаны, вероятно, на эпатаж. Нахождение человека в состоянии духовного кризиса на рубеже XIX–XX вв. провоцировало его на эксперименты с различными видами «зла», что отражалось и в литературе, однако текст, думается, не только и не столько о раскрепощении нравов. На фоне темной бездны человеческого сознания, открывшейся писателям эпохи модернизма, общепринятая мораль и институт религии не спасали, и дидактический пафос новеллы Готье последовательно ставится под сомнение в произведении Сологуба.

Такая переработка претекста характеризует тип межкультурного диалога, являющийся в период смены культурных парадигм, вытеснения канонов. Это дифференциальная форма рецепции [Дюришин, 1979], свидетельство попытки воспринимающей культуры отмежеваться, актуализировать «инаковость», часто в форме полемики, пародии, травести и т. п. Претекст Готье не только послужил основой для развития привычных для творчества писателя мотивов, но и стал поводом для развенчания красивой, но неправдоподобной сказки. Сологуб продемонстрировал, что может скрываться под маской благопристойности, о чем свидетельствуют его явно ироничные характеристики (как, например, «веселый

и *мудрый* старый граф», «наследник *славного* и могущественного *графского* рода» [Сологуб, 1906, с. 18, 29]¹² и др.), а также множественные остроты («<...> но судьбе было угодно восстановить, хотя и странным способом, блеск и долгоденствие во многих землях прославленного рода», «Все же ведь свету известно <...> что женская верность требует тщательного присмотра», «<...> взыскательный к красоте граф одобрил бы графинин выбор, если бы знал <...>», «знатные господа изошрились в искусстве скрывать свои чувства и затемнять зеркало своей души обманчивыми выражениями благосклонности» [Там же, с. 17, 19, 23] и т. п.).

В период второй публикации перевода вскрылось множество переключек с оригинальным творчеством, что позволяет сделать вывод о творческих предпосылках повторного обращения к тому же тексту и показывает, что некоторые сюжеты осваивались писателем постепенно, иногда их переработка занимала годы, тем не менее установка «беру свое везде, где нахожу его» обычно реализовывалась (об этом своем принципе Сологуб писал Измайлову в 1910 г. [Федор Сологуб..., 1999, с. 206]). В особенности это применимо к переводам: сам факт выбора определенного текста для перевода говорит о его созвучии творческому миру писателя, потому образы и мотивы переводных текстов так или иначе находили в нем отражение. При этом стратегия творческого диалога оказывалась различна: безоговорочное признание художника и его системы мировидения (как в случае с П. Верленом), использование переводного текста в качестве материала для развития образности собственного творчества (при обращении к новеллам Г. Банга) или дистанцирование и ирония, создание новой, полемически заряженной реплики в диалоге, как это произошло во время работы над переводом одного из произведений Теофиля Готье.

Список литературы

Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года до 1 июля 1909 года. СПб., 1909. 31 с.

Готье Т. Двойная звезда / Пер. Ф. Сологуба // Речь. 1906. 25 дек. (7 янв.). № 252. Рождественское приложение. С. 4.

Готье Т. Двойственный рыцарь / Пер. Ф. Сологуба // Домашняя библиотека. Новые романы и повести русских и иностранных писателей. 1899. № 10. С. 149–158.

Готье Т. Двойственный рыцарь / Пер. Ф. Сологуба // Готье Т. Два актера на одну роль / Сост. О. Гринберг, вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Правда, 1991. С. 191–198, 513.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы: Пер. со словац. М.: Прогресс, 1979. 318 с.

Заборов П. Р. «Кандид» в переводе Ф. Сологуба // Заборов П. Р. Россия и Франция. Литературные и культурные связи. Статьи и заметки. СПб.: Петрополис, 2011. С. 85–90.

Павлова М. М. Писатель – Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.

Сологуб Ф. Милый паж // Весы. 1906. № 8. С. 17–29.

Сологуб Ф. Человек человеку – дьявол // Золотое руно. 1907. № 1. С. 53–55.

Стрельникова А. Б. В поисках оригинальной стихотворной формы: поэтические переводы Федора Сологуба // Русская литература. 2014. № 3. С. 129–135.

¹² Курсив наш. – А. С., А. С.

Сысоева А. В. Ироническое переосмысление образов мировой литературы в романе Федора Сологуба *Королева Ортруда* (второй части трилогии *Творимая легенда*) // Русская литература в европейском контексте: Сб. науч. работ молодых филологов. Варшава, 2010. [Вып.] III. С. 103–108.

Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194–293.

Федор Сологуб. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3 т. / Изд. подгот. Т. В. Мисникевич. СПб., 2014. Т. 2, кн. 2: Стихотворения и поэмы 1900–1913. 807 с.

Gautier Th. Romans et Contes. Paris: A. Lemerre, 1897. 427 p.

A. B. Strelnikova ¹, A. V. Sysoeva ²

¹ National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation, annas24@yandex.ru

² Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation, sysoevaav@gmail.com

**The differential form of reception:
“Le Chevalier double” by Th. Gautier and “Milyi pazh” by F. Sologub**

The paper deals with the translation of Th. Gautier’s novella “Le Chevalier double” provided in Russian by F. Sologub and published in two versions: “Dvoistvennyi rytsar” (1899) and “Dvojnaya zvezda” (1906). The following peculiarities of the translator’s work are considered: the choice of the word from the range of synonyms, avoiding grammatical features of the French language, and stylistic sophistication of the target text, all these indicating the careful piece of work made by the translator. When comparing the translated and original works, the authors identified a number of texts reminiscent of Gautier’s novella. The majority of these writings were created about the time of the second publication, suggesting intense reflection on the original and its creative interpretation, with the process taking a long period of time (several years or even more). “Milyi pazh” was regarded as the most suggestive of the French novella and thus was studied in detail. The comparison between these two allowed identifying a number of mutual characteristics (including the characters and even their names), showing the source text of translation to be the pretext for the original novella by Sologub. It is noteworthy that the pretext was used not only to develop the motifs typical for Sologub’s art but also to distance from Gautier’s art and to question the validity of fairy-tale, which turns out to be too far from the real life. “Milyi pazh” dispels the didactic pathos of the novella by Gautier, with the characters changing from decent to cynical ones. The irony comes throughout the novella by the author-translator, thus revealing the differential form of reception: “Milyi pazh” is a thinly disguised polemic against the text that Sologub translated to a high standard.

Keywords: F. Sologub, Th. Gautier, translation of fiction, differential form of reception, pretext.

DOI 10.17223/18137083/71/5

References

Bibliografiya sochineniy Fedora Sologuba. Chast’ pervaya. Khronologicheskie perechni napechatannogo s 28 yanvarya 1884 goda do 1 iyulya 1909 goda [The Bibliography of writings by Feodor Sologub. Pt. 1. The chronological list of works printed between January, 28, 1884 and July, 1, 1909]. St. Petersburg, 1909, 31 p.

Dyurishin D. *Teoriya sravnitel’nogo izucheniya literatury* [The theory of comparative literary studies]. Transl. from Slovak. Moscow, Progress, 1979, 318 p.

Fedor Sologub i An. N. Chebotarevskaya. Perepiska s A. A. Izmaylovym. [Fedor Sologub and An. N. Chebotarevskaya. Correspondence with A. A. Izmaylov]. Published by M. M. Pavlova M. M. Pavlova (Intr. art., prep. of text, comm.). In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 1995.]. St. Petersburg, 1999, pp. 194–293.

Fedor Sologub. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem v trekh tomakh* [Complete collection of poems and poems: In 3 vols.]. St. Petersburg, 2014. Vol. 2, bk. 2. Stikhotvoreniya i poemyy 1900–1913 [Verses and Poems, 1900–1913]. T. V. Misnikevich (Intr. art., prep. of text, comm.). 807 p.

Gautier Th. Dvoynaya zvezda [The Double Star]. Transl. by F. Sologub. *Rech'*. 1906, 25 Dec. (7 Jan.), no. 252, Rozhdestvenskoe prilozhenie. p. 4.

Gautier Th. Dvoistvennyi rytsar [The Double Knight]. Trans. by F. Sologub. In: *Domashnyaya biblioteka. Novye romany i povesti russkikh i inostrannykh pisatelei*. 1899, no. 10, pp. 149–158.

Gautier Th. Dvoistvennyi rytsar [The Double Knight]. In: Gautier Th. *Dva aktera na odnu rol'* [Two actors for one role]. O. Grinberg, Z. Zenkin (Eds). Moscow, Pravda, 1991, pp. 191–198, 513.

Gautier Th. *Romans et Contes*. Paris, A. Lemerre, 1897, pp. 417–432.

Pavlova M. M. *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov* [The writer and inspector: Feodor Sologub and F. K. Teternikov]. Moscow, New Literary Observer, 2007, 512 p.

Sologub F. Milyi pazh [Dear pageboy]. *Vesy*. 1906, no. 8, pp. 17–29.

Sologub F. Chelovek cheloveku – d'yavol [One man is a devil for another one]. *Zolotoe runo*. 1907, no. 1, pp. 53–55.

Strel'nikova A. B. V poiskakh original'noy stikhotvornoy formy: poeticheskie perevody Fedora Sologuba [Searching for original verse: Fyodor Sologub's poetical translations]. *Russkaya literatura*. 2014, no. 3, pp. 129–135.

Sysoeva A. V. Ironicheskoe pereosmyslenie obrazov mirovoi literatury v romane Fedora Sologuba Koroleva Ortruda (vtoroi chasti trilogii Tvorimaya legenda) [The ironic interpretation of world literary images in the novel “Koroleva Ortruda” by Fyodor Sologub (of the second part of the trilogy “Tvorimaya legenda”)]. In: *Russkaya literatura v evropeiskom kontekste. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian literature in European context. The collection of scientific papers by young philologists]. Warsaw, 2010, iss. 3, pp. 103–108.

Zaborov P. R. “Kandid” v perevode F. Sologuba [“Candid” translated by F. Sologub]. In: Zaborov P. R. *Rossiya i Frantsiya. Literaturnye i kul'turnye svyazi. Stat'i i zametki* [Russia and France. Literature and cultural links. Papers and notes] St. Petersburg, Petropolis, 2011, pp. 85–90.